

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Т Р У Д Ы

IV (XX)

ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА

в К а з а н и

Том I

Ответственные редакторы:
А.Г. Ситдинов, директор ИА АН РТ, зав. кафедрой археологии и этнологии К(П)ФУ, д.и.н.;
Н.А. Мазаров, директор Института археологии РАН, академик РАН;
А.П. Деревянко, директор Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН.

Казань, 2014

ПЕРЕХОД ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ САЯНО-АЛТАЯ (ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ)

© 2014 г. К.В. Чугунов

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(chuginovk@mail.ru)*

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы Казахстана, бегазы-дандыбаевская культура, миграция, ранние кочевники Саяно-Алтая.

Резюме. В основе формирования кочевых культур Саяно-Алтая лежит инвазия носителей бегазы-дандыбаевской культуры в западные предгорья Алтая, связанная с освоением здесь богатейшей рудной базы и начавшимся экологическим кризисом. Концепция базируется на нескольких положениях: реконструируемым на основании анализа палеоклиматологических данных начала I тыс. до н.э. двум миграционным волнам из Внутренней Азии; предположении о мирном сосуществовании и взаимодействии на одной территории носителей нескольких культурных традиций; и на допущении, что традиция рецептуры оловянистых бронз в металлургическом производстве распространялась из Центрального и Восточного Казахстана. Наличие на территории Казахстана иных рецептов металла можно использовать как маркер притока и распространения населения, чьи традиции сформировались вне казахстанского очага металлургии оловянистой бронзы. На территории Тувы оловянистые бронзы распространяются повсеместно в результате второй волны миграции из Казахстана, вероятно, через Алтай, заселенный уже в это время носителями бийкенской культуры, тесно связанной своим происхождением с бегазы-дандыбаевской культурой.

Предлагаемая концепция культурно-исторических процессов на территории Саяно-Алтайского региона на рубеже эпохи бронзы и раннего железа в основном опирается на последние исследования казахстанских материалов, относящихся к этим периодам. В основе

предлагаемой концепции лежат следующие положения.

1. Анализ керамического комплекса эпохи поздней бронзы позволяет рассматривать в рамках единой культурной общности широкий пласт памятников с валиковой керамикой, относимых ранее к саргаринско-алексе-

евским древностям. За ней можно сохранить название бегазы-дандыбаевской культуры (Варфоломеев, 2003, 2011).

2. Выделение позднейшего донгальского этапа эпохи поздней бронзы с характерной керамикой (Ломан, 1987; 2003б. С. 82–83). Он датируется в пределах IX–VIII вв. до н.э., хотя В.Г. Ломан настаивает на узкой датировке в пределах VIII в. до н.э. (Ломан, 2003а. С. 291–293).

3. Технично-технологическим анализом керамики установлен факт сосуществования и взаимодействия разнокультурных групп населения эпохи поздней бронзы. На некоторых стоянках, относящихся уже к раннему железному веку, предполагается преемственность в производстве и орнаментации посуды с донгальскими традициями (Бейсенов, Ломан, 2009. С. 235–245), хотя большинство поселений этого времени, исследованных в Казахстане, показывает в керамическом комплексе несовпадение основной суммы признаков с пластом древностей эпохи поздней бронзы (Бедельбаева, Варфоломеев, 2008. С. 243). Исследование керамического набора из погребений бегазы-дандыбаевской культуры в Верхнем Прииртышье также показало наличие различных традиций в изготовлении посуды в пределах единых комплексов (Ермолаева, 2012. С. 91–111).

4. Анализ погребального обряда бегазы-дандыбаевской культуры (Коренько, 1990; Варфоломеев, 1992) показал выделение в конце эпохи поздней бронзы элитарной прослойки общества. Разнообразие типов погребальных сооружений демонстрирует мозаичность компонентов культуры, но все же позволяет определить обряд, характерный для большинства населения – первые два типа по В.В. Варфоломееву, объединенные общей концепцией ритуала. Элитарные мавзолеи соответствуют всем признакам рядовых памятников, но более усложненной конструкции.

5. Для соотнесения позиции памятников бегазы-дандыбаевской культуры с хронологической шкалой, разработанной для земледельческих культур Средней Азии, важно, что в ранних слоях поселений найдены станковая керамика позднего этапа Намазга VI, а с донгальской керамикой – обломки амирабадских сосудов (Варфоломеев, 2008; Бейсенов,

Ломан, 2009. С. 237). Считается, что в VIII в. до н.э. бегазы-дандыбаевская культура прекращает существование на территории Центрального Казахстана и здесь появляются памятники тасмолинской культуры, а также небольшие стоянки, которые, вероятно, носят сезонный характер.

6. Наиболее обоснованной представляется точка зрения о происхождении тасмолинской культуры в результате проникновения населения из районов Китая. Выявлены две миграционных волны, первая из которых (датирована IX в. до н.э.) привела к формированию культур сакского типа в Туве и Минусинской котловине, а вторая в конце VIII в. до н.э. захватила более обширные территории, включающие Семиречье и Южный Казахстан, и достигла Приаралья (Таиров, 2007. С. 32–44). Причиной этих миграций послужил экологический кризис, который происходил на территории Азиатского материка неравномерно и зафиксирован многочисленными исследованиями (обзор см. Таиров, 2007. С. 52–56).

7. Металлографическими исследованиями установлено, что в ареале бегазы-дандыбаевской культуры абсолютно преобладает оловянистая бронза изделий, что не удивительно, учитывая рудную базу региона. При этом в памятниках Верхнего Прииртышья выявлено изменение рецептуры сплава ряда предметов, связанных с раннекочевническими комплексами (Ермолаева, 2012. С. 83–86). Исследование показало отсутствие оловянной лигатуры в металле некоторых вещей, что совершенно не характерно для казахстанской традиции сплавов эпохи бронзы. Состав металла из памятников эпохи бронзы и раннего железного века Центрального Казахстана показал сходную картину – из комплексов тасмолинской культуры происходит значительное количество изделий, содержащих в рецептуре сплава мышьяк при малых долях олова (Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 84–98).

8. Исследования состава металла изделий из памятников Тувы и Хакасии показали, что мышьяковистые бронзы характерны для лугавской культуры, кургана Аржан-1 (Пяткин, 1977) и раннетагарских (подгорновских) памятников, а изделия из оловянистых бронз распространены в алды-бельской культуре и в сарагашенских комплексах (Хаврин, 2003).

2005). Получается, что на начальном этапе эпохи ранних кочевников в традициях металлообработки абсолютно господствует производство изделий из мышьяковистой меди, которые сменяются оловянистыми бронзами при трансформации культуры. По этому показателю возможна синхронизация культур и их этапов на широкой территории (Чугунов, 2005, 2006).

Анализ этих данных позволяет по-новому рассмотреть культурно-историческую ситуацию в Казахстанско-Центральноазиатском регионе на рубеже эпох бронзы и железа. Скорей всего глобальные изменения климата в конце II тыс. до н.э. привели к перемещению носителей бегазы-дандыбаевской культуры из Центрального Казахстана в те экологические ниши, которые были способны обеспечить сохранение привычного отгонного скотоводства. Одна из таких ниш располагалась в западных предгорьях Алтая (Черников, 1960; Ермолаева, 1987, 2012). Сложность состава населения в Прииртышье в эпоху поздней и финальной бронзы демонстрируют могильники, исследованные в этом регионе, где, с одной стороны, фиксируется наследие андроновских традиций, с другой – прослеживаются раннекочевнические черты (Арсланова, 1974. С. 46–60; Ермолаева, 2012. С. 115–116).

Можно предположить, что традиция изготовления предметов из мышьяковистой бронзы или меди с естественными добавками является в Казахстане, богатом оловянным сырьем, привнесенной извне. По этому показателю комплексы эпохи финальной бронзы, содержащие такие изделия, можно синхронизировать с проникновением сюда пришлого населения уже в это время. Вероятно, они маркируют первую волну миграции по А.Д. Таирову (2007), которая захватила и Восточный Казахстан.

Весьма продуктивна идея сходства обряда могильников Ковалевка и Темирканка с курганами бийкенской культуры Горного Алтая (Ермолаева, 2012. С. 117). Бийкенский же обряд очень близок обрядовым традициям памятников шанчигского типа Тувы, которые синхронизируются с курганом Аржан-1 (Чугунов, 1992), что может указывать на их сходный генезис. Формирование культуры начального этапа эпохи ранних кочевников на

территории Саяно-Алтая было обусловлено одними и теми же составляющими компонентами – западным (казахстанским) и южным (центральноазиатским). Разница заключается в степени участия этих компонентов, так как в Туве преобладали южные инновации, а на Алтае – западные. Не случайно металл в бийкенских памятниках легирован оловом (Хаврин, 2008), а изделия из кургана Аржан-1 преимущественно выполнены из мышьяковистой меди. Датировка его рубежом IX–VIII вв. до н.э. (Зайцева и др., 2007) является опорной для комплексов, относящихся к начальному этапу эпохи ранних кочевников. На Алтае это курганы куртусского этапа, в материалах которых преобладает центральноазиатский компонент (Тишкин, 2007. С. 147. Рис. 1).

Влияние поздних носителей бегазы-дандыбаевской культуры заметно ощущается здесь только на следующем семисартском этапе. Сильно скорченная погребальная поза в каменных ящиках, установленных на уровне горизонта, западная ориентировка, валиковая посуда в наземных сооружениях – все эти признаки прямо указывают на традиции бегазы-дандыбаевской культуры. В то же время погребения лошадей, оленные камни и встречающаяся северная ориентировка погребенных – имеют другие истоки. Восточный Казахстан и Семиречье, территориально наиболее близкие к традиционным проходам из внутренних областей материка, должны были испытать приток оттуда нового населения первыми. Комплексы, отражающие это явление, исследованы в могильнике Измайловка и в семиреченских некрополях (Кушаев, 1968. С. 142–145; Максимова, 1969. С. 136–145; Ермолаева, 2012. С. 119).

Итак, реконструкция процесса формирования культурных комплексов эпохи ранних кочевников в Казахстанско-Центральноазиатском регионе может быть представлена следующим образом. В основе его лежит инвазия носителей бегазы-дандыбаевской культуры в западные предгорья Алтая, связанная с освоением здесь богатейшей рудной базы и начавшимся экологическим кризисом. Она не приводит к полной ассимиляции местного населения, продолжающего практиковать традиционную погребальную обрядность. В начале I тыс. до н.э. Казахстан и Саяно-Ал-

тай принимают первую волну переселенцев из внутренних районов Азии. В Туве это время возведения кургана Аржан-1 и памятников шанчигского типа, в Горном Алтае – куртусского этапа бийкенской культуры.

Вероятно, вторая половина VIII в. до н.э. – время второй миграционной волны. В это время появляются элитные некрополи Шиликты, погребальный обряд которых впоследствии продолжается в Центральном Казахстане (могильник Талды-2 и др.). Носители местных традиций эпохи поздней бронзы постепенно осваивают территорию Горного Алтая, смещаясь туда из западных предгорий. В результате смешения с мигрантами-номадами формируется культурный комплекс бийкенской культуры. Суперстратное кочевое население занимает предгорную зону вдоль Иртыша, оставив после себя майэмирский круг памятников. На Туву вторая миграционная волна оказала влияние опосредованно, через территорию Казахстана. Алды-бельская культура сформировалась с участием местного субстрата, включавшего аржанский компонент и, возможно, носителей монгунтайгинской культуры. Пути проникновения новых мигрантов сюда могли быть разными, но основные пролегали через Горный Алтай с родственным бийкенским населением. Отличия алтайских памятников от синхронных тувинских сводятся к некоторым особенностям в погребальном обряде и могут объясняться разной долей формирующих исходных компонентов культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.
- Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В. Центральное-казахстанское поселение Кыштан в системе памятников начальной фазы РЖВ // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 241–245.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.
- Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона (типология конструкций) // Маргулановские чтения – 1990. Матлы конф. М., 1992. С. 72–77, 240, 241.
- Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. Астана, 2003. С. 88–99.
- Варфоломеев В.В. Среднеазиатская керамика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 363–367.
- Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 1. Алматы, 2011. С. 210–240.
- Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 64–94.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы, 2012. 236 с.
- Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Васильев С.С., Семенцов А.А., Кук Г.Т., Скотт Е.М., Ван дер Плихт Х., Боковенко Н.А., Кулькова М.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 251–262.
- Коренько В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения бегазы-дандыбаевского типа) // СА. 1990. № 2. С. 28–40.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.
- Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 142–145.
- Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Карганда, 1987. С. 115–129.
- Ломан В.Г. К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул, 2003а. С. 290–293.
- Ломан В.Г. Общность культур переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железу // Международное XVI Ураль-

ское археологическое совещание. Пермь, 2003б. С. 82–84.

Макимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 136–145.

Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово, 1977. С. 22–33.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮурГУ, 2007. 274 с.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 146–158.

Хаврин С.В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы конф. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 171–173.

Хаврин С.В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Мат-лы конф. Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. С. 96–98.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. С. 173–178.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА; № 88).

Чугунов К.В. Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. конф. Ч. 2. Омск, 1992. С. 78–79.

Чугунов К.В. Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Мат-лы конф. Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. С. 102–104.

Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всерос. археологического съезда. Т. II. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 69–71.